

Юлия Комиссарова
...берёзки люблю

«Автор»

2006

Комиссарова Ю. Ф.

...берёзки люблю / Ю. Ф. Комиссарова — «Автор», 2006

ISBN 978-5-532-10655-0

Эта история произошла в те далекие военные годы, когда наша страна была еще окутана взрывами и грохотом снарядов, а матери ждали сыновей с фронта. Летом, одна тысяча девятьсот сорок третьего года отряд конной дивизии под командованием командира Половцева Петра Харитоновича продвигался с обозом через лес. Одна роковая встреча меняет все. Теперь на кону не только жизнь, но и честь. Пойдет ли человек на перелом собственных убеждений и веры в правду? Выжив после войны, когда не свистят пули, а бывшие товарищи давно лежат в земле, каково остаться в живых путем сделки с совестью. Стоило ли оно того?

ISBN 978-5-532-10655-0

© Комиссарова Ю. Ф., 2006

© Автор, 2006

Эта история произошла в те далекие военные годы, когда наша страна была еще окутана взрывами и грохотом снарядов, а матери ждали сыновей с фронта. Под Берлином, под Брестом, под Москвой остались следы той жестокой и кровопролитной войны, где пали тысячи наших солдат и кто знает, сколько бы еще пало, если бы не та великая и долгожданная победа, в которую верили и на которую надеялись на протяжении всей войны. Именно вера в нее дала нашему народу силы для борьбы, силы одолеть врага, снять блокаду Ленинграда и пережить эти голодные и холодные годы, когда казалось, что все потеряно.

Да... Сколько лет прошло с тех пор?! А, кажется, все было совсем недавно. И даже сейчас, когда я пишу эти строки, в ушах звенит грохот снарядов, взрывы, крики раненых. Даже сейчас я отчетливо слышу те пронзительные крики, последние крики друзей, которые погибли в этой войне. И, конечно же, никогда не уйдут из памяти лица товарищей, которые погибли у меня на глазах. И теперь я – Григорий Крапивин, участник В.О.В. расскажу вам историю моей жизни.

Летом, одна тысяча девятьсот сорок третьего года отряд конной дивизии под командованием командира Половцева Петра Харитоновича продвигался с обозом через лес. Путь лежал через болото. Конный отряд был сильно ослаблен. Люди, прошагавшие и проехавшие километры пути, продвигались по заданному маршруту, известному, пожалуй, только им одним. На их лицах отражалась невыносимая усталость: губы шептали что-то не внятное, глаза смотрели в неизвестность, а по лбу каплями стекал пот. Однако, не смотря на все лишения, никто не подавал признаков усталости и на вопросы товарищей многие отвечали: «Ничего, доберемся». Только командир пребывал в полном молчании. Он также был измотан, но на его невозмутимом лице ничего нельзя было прочесть. Должно быть, именно так и должны выглядеть настоящие боевые командиры: спокойными и рассудительными и тем самым подавать пример молодым.

Я, пожалуй, отвлекся от своего повествования. Итак, как уже говорилось, Половцев был крайне молчалив, но, не смотря на это, было видно и какое влияние он оказывает на подчиненных. Каждый его приказ выполнялся беспрекословно. Солдаты уважали его и, невзирая на его должность, разговаривали с ним, как с товарищем. Нужно заметить, что не было случая, когда бы он не помог друзьям в беде или выругался дурным словом. Он был примером для окружающих, и солдаты старались ровняться на него. Внешность его была самая обыкновенная. Ни вид лет сорок, среднего роста, не был худощав, но и полным не был, темные волосы и усы. Отряд двигался по направлению на юг. Путь был тяжелый и утомительный. Он лежал через болота, заросли камыша, кустарники, заросшие молодыми деревцами поляны и овраги. Утро было удивительно спокойное. Дул теплый летний ветер. Воздух был свеж и наполнен ароматом древесной смолы, повсюду щебетали птицы. Их пение наполняло душу надеждой на лучшее. Небо было безоблачным и, казалось, ничто не предвещало беды.

Несмотря на теплый воздух, иногда ощущалось дуновение прохлады, которое, как обычно, наблюдается ранним утром. Долго еще продвигался отряд. Ни одно болото и ни одну поляну прошли, пока, наконец, не добрались до места. Представляло оно собой лесную поляну, вокруг которой густо росли деревья. Место это находилось в глубине леса, поэтому обнаружить их было нелегко. Отряду был отдан приказ остановиться и сойти с коней. Командир скоординировал разбивать лагерь. Он ходил от одного человека к другому и раздавал поручения.

– Василий, сходи хворосту для костра принеси. Так, молодец, хорошо палатку разбил. Эй, Николай, почему кони не привязаны?!

Когда все разбежались выполнять поставленные задачи, командир подозвал к себе своего помощника – Андрея Филипенко. Начал расспрашивать:

- Ну, что? Ты был в комендатуре? – серьезно спросил Половцев.
- Был, товарищ командир.
- И какие будут новые указания?
- Сказали, все подробности будут в конверте.

– А как получить его?
– Нужно завтра в шесть часов утра быть у старой площади. Там к нам подойдет мальчуган и отдаст письмо.

– А как мы его узнаем? Мальчуганов то много.

– Так точно, товарищ командир, на нем кепка будет, – со смехом сказал Андрей.

Командир задумался.

– И все?

– Все. Больше ничего передавать не велено.

– Ладно. Разберемся.

– Товарищ командир, – умоляюще, произнес Андрей.

– Что еще?

– Разрешите обратиться?

– Слушаю.

– Вы решили, кого на встречу пошлете?

– А что?

– Да понимаете, товарищ командир, пошлите меня. Я ведь о настоящем деле давно мечтаю. А все приходится только до комендатуры бегать, да обратно. Разрешите. А?

– Ха-ха-ха. Нашел дело настоящее за конвертом сходить. Опять же побегушки получают.

– ...?

– Ладно. Пойдешь. Только смотри в форме не ходи. Оденься по неприметнее, с мальчонкой в разговоры не вступай, письмо получишь и назад. Понятно?!

– Так точно, товарищ командир!

– Свободен.

Командир Половцев сел к огню и стал о чем-то размышлять. Возможно, он думал о предстоящем задании или вспоминал свой дом и родное село, никто не знал. Но лицо у него было задумчиво и крайне серьезно.

Тут его раздумья прервал отчаянный крик, который не прекращался.

Половцев подскочил с места, все кто был в отряде, бросили свои дела и повернулись в сторону, откуда доносится крик. Из леса выбежал солдат. Глаза у него были выпучены, зрачки расширены, лицо было белым, как полотно, а руки дрожали. Это был самый молодой парень из отряда, и он был послан узнать, как справилась с предыдущим заданием группа, посланная командиром двое суток назад.

– Ты что кричишь?! Что кричишь? Хочешь, чтобы нас обнаружили?! Успокойся. Говори что произошло, – строго спросил Половцев.

– Я... Я... Меня там вы за ребят узнать посылали. Так они, они. Убили их, – в этот момент он зарыдал.

Настала минута молчания. Никто не мог вымолвить ни слова, все были в оцепенении. Первым из шока вышел командир.

– Всех?

– Всех, – всхлипывая, ответил солдат, немного успокоившись, но через мгновение он снова зарыдал.

И рыдание его сейчас стало намного сильнее, чем в прошлый раз.

Все молчали. На лицах людей отразилась глубокая печаль, некоторые из них склонили головы и, молча, смотрели в землю.

– Отведите Севку в лагерь, пусть отдохнет и успокоится, – произнес командир и тяжело вздохнул.

Половцев подошел к костру и снова, расположившись возле него, впал в глубокое забытие. Из этого состояния его вывел Андрей, который решил посидеть у огня, на котором

кипел сегодняшней обед. Филипенко, молча, подошел к горящему пламени и также задумчиво направил взгляд в никуда. У каждого из них, как, наверное, и у каждого солдата в этом отряде на душе скребли кошки, и каждому хотелось бы все исправить, но было уже поздно.

Командир сидел, держась рукой о лоб, глаза его были прикрыты. Эта тишина продолжалась бы еще долго, если бы не голос Андрея.

– Я чего пришел, товарищ командир, сказать, что Севка никак отойти не может после случившегося. Может его сюда привести, а?

Командир, казалось, не слышал его слов. Лишь только, когда вопрос повторился, он очнулся.

– Что? Ты что-то спросил? – тихо произнес Половцев.

– Да, товарищ командир, я говорю, Севку может сюда привести?

– Приведи. Приведи, Андрей. А что он в себя еще не пришел?

– В том-то и дело, что нет. Он ведь самый молодой среди нас. Войны не видел. Я вам про это, уже, сколько времени твержу.

– Ничего. Привыкнет. Война есть война. Тут уж никуда не денешься. И товарищи гибнут, и сами гибнем.

Наступило молчание. Тут командир не выдержал и, всхлипывая, произнес.

– Не могу больше так, Андрей. Не могу из себя равнодушие изображать, когда вот такие пацаны гибнут, – и он поднял нервно руку над землей на высоте около метра.

Затем он поникшим голосом продолжал:

– Я ж ведь тоже человек и у меня тоже душа есть.

– Это я во всем виноват! Я ведь им оружие запретил брать, – сказал Андрей.

– Ты давай на себя вину не бери, – произнес Половцев, качая головой.

– Сам виноват. Пацанов погубил. Дурья моя бошка! Куда я их посылал? Я ж их на верную смерть посылал. Думал, обойдется. Пройдут. Прошли... Э-эх, что говорить. Дурень я самый настоящий, а не командир, вот кто я, – повышая голос, причитал командир.

– Да вы себя не вините. Ведь не всегда же удачно все получается и по плану.

– Все равно надо было не пускать. У меня ж у самого двое сыновей.

Снова наступило молчание.

– Что с ними-то немцы сделали? – спросил, слегка успокоившись, командир.

– Пытали их, судя по всему. Видно не дознались. Тела их были обнаружены Севкой в овраге за лесом. На них следы веревок были, тела сильно избиты и ни у кого из них нет ногтей.

Командир прикрыл глаза, зажмурился, медленно замахал головой из стороны в сторону, говоря:

– Долюшка-то, какая им выпала. Ох!

Наступила тишина. Так они сидели еще несколько минут. Не было больше произнесено ни единого слова. Позднее Андрей поднялся и ушел, а на его место привели и послали Севку.

На следующее утро, ровно в назначенное время к командиру подошел Андрей Филипенко. Он был одет в серый сюртук, большие сапоги, а на лоб была надвинута темная кепка.

– Я, вижу, ты собрался уже? – спросил Половцев.

– Так точно, товарищ командир, только вот... – и в этот момент голос его стих.

– Что? – мягко спросил Петр Харитонович.

– Только вот, я думаю... а если конверт попытаются перехватить?

– Да. Я об этом тоже думал и на этот случай отдал кое-какие распоряжения.

В этот момент он отошел в сторону и о чем-то задумался. Через мгновение задумчивость исчезла и командир продолжил:

– До шести часов в нашем распоряжении остается один час, поэтому успею тебя подготовить. Сходи к Севке, скажи, чтобы план старой площади тебе отдал и сюда приходи.

– Слушаюсь, товарищ командир.

Через несколько минут Андрей снова находился около Половцева. Командир взял план, развернул его на столе и начал излагать свои мысли:

– Слушай, Андрюшка. Видишь здесь памятник? Вот у этого места, я думаю, и состоится передача, поэтому держись поближе. После того, как возьмешь конверт, проверь, чтобы никто за тобой не следил. Если удостоверился, что все спокойно, прогулочным шагом выходи на соседнюю улицу. Да только смотри, сразу к нам не возвращайся, а то мало ли что. Если слежки не видно, это еще не значит, что ее нет. Отсидись где-нибудь, а потом обходными путями к нам добираться. Понятно?

– Понятно, Петр Харитонович, только вот, если я шпионов у памятника замечу, что делать?

– На этот случай с каждой стороны улицы будут наши ребята стоять. Так, если что, отбиться помогут.

– Хорошо, товарищ командир, готов к выполнению задания! – звонким голосом сообщил Андрей.

– Ох, и шустрый ты, Андрюшка! – с легкой улыбкой произнес Половцев.

Через тридцать минут Филипенко был отправлен на встречу. Андрей добрался до старой площади без пяти минут шесть. На ней, впрочем, как и всегда, было мало людей. Он медленно продвигался в центр площади, остановился возле памятника, осмотрелся по сторонам и начал ждать. Простояв минут двадцать, никто не появился и Филипенко забеспокоился.

– Интересно, наши уже на местах? – задумался Андрей и быстро взглянул на правую и левую стороны улицы. Никого не было видно. Волнение его нарастало. Андрей пристально всматривался в прохожих, пытаясь вычислить среди них шпиона, но все было тщетно. Каждый человек, проходивший мимо, ничем особенным не выделялся и никак не проявлял бандитских намерений. Ужас охватил солдата, он пытался успокоиться, убеждая себя в том, что возможно те, кто должен передавать письмо забыли о встрече, но тут же отбрасывал это простое и нелепое объяснение, понимая, какую важность представляет собой организация, передававшая сообщение. Неожиданно из-за угла появился силуэт одного из его товарищей. Андрей мгновенно узнал его. Это был солдат из его отряда. Пилотка его была сдвинута на бок, а лицо выражало ужас. Андрей стоял, как вкопанный.

– Наше письмо еще за минуту до твоего прихода забрали!

– Кто? – испуганно спросил Андрей.

– Солдат какой-то и пошел по той улице. Я это у старушки узнал, что цветами торгует.

– А куда он пошел?

– Туда.

– Побежали! Может, еще догоним! – прокричал, убегая, Филипенко.

– погоди, давай старушку расспросим. Может еще что-то расскажет, а то ведь мы его все равно уже не догоним.

Товарищи быстро подбежали к торговке цветами, она находилась на дальнем краю площади. Пока они бежали, Андрей прокричал, задыхаясь, своему другу:

– Стой. А как же она что-то видеть могла? Тут вон погляди сколько метров! Тут и я-то не увижу, а то бабка! – произнес он и горизонтально махнул рукой.

– Не знаю, но, то ведь она рассмотрела, значит, скажет что-нибудь...

– Ладно, побежали.

Когда друзья добрались до места торговли, солдат, сопровождающий Андрея, спросил:

– Бабуш!

– А? Чаво тебе, сынок?

– Ты еще что-нибудь видела? – задыхаясь от быстрого бега, спросил солдат.

Но казалось, женщина не слышала его вопроса и продолжала раскладывать цветы.

– Ба-а-буш! – крикнул солдат.

– А? Ты что ль сказал чего? – опомнилась она.

– Сказал. Я говорю, ты еще видела что?

– Ой, ты прости, сынок, глуховатая я, ничегошеньки не слышу.

– Ну, раз ничего не слышит, пошли, Мить. Как она что-то увидит тогда? – позвал Андрей тихонько.

– Почему это! Если не слышу, это не значит, что не вижу. Глаза то у меня зоркие. Воон видишь пумпочку на башне? – пригнувшись, указала она в сторону – оживленно сказала старуха.

– Где? – спросил Митька.

– Не видишь, то– то и оно. А я вижу! – добавила она.

– Ты, я говорю, видела еще чего?

– Видела, сынок, видела. Я давече тебе не стала всего сказывать, а теперь поняла, что важные эти, как его, окаянные? Данные! Они родимые. Слухай. Этот солдатик, что письмо получил...

– От кого получил – прервал ее Андрей.

– А я почем знаю? Ты погляди на него! Иж, какой шустрый!

Через мгновение она продолжила.

– От мальчика какого-то, в кепке.

– Ну-ну.

–Что ну? Вот я и говорю. Солдат, что письмо получил, подошел к кому-то и о чем-то говорить стал.

– А о чем разговаривал то? – воскликнул Андрей.

– Говорят же тебе: глуховатая я. Еще вопросы будут?

– Будут. Куда он пошел?

– Вот в тот переулок. Я еще слышала, как один другому и говорит: «Артемию, иди по тому переулку», – при этих словах она указала налево.

– А как же ты слышала, если же ты глухая? – смеясь, спросил Андрей.

– Старуха надула губы, отвернулась и нервно сказала:

– Как раз это я услышала.

– Ну, спасибо, бабуля. Удачной тебе торговли, – убегая, прокричал вслед Андрей.

– Да какое уж тут здоровье, – причитая, отозвалась старуха.

Андрей и Митька отбежали на некоторое расстояние, и тут Андрей неуверенно остановился и повернул к старушке свое удивленное лицо, выразившее удивление. Старушка заметила это и, раскладывая букеты, произнесла:

– Ты чего сынок ворочаешься? Забыл че?

– Бабуш, а зачем же ты цветы продаешь? Война же? Кто ж их у тебя покупать будет? – неуверенно начал он.

– Э-э, не скажи! У меня сейчас самая прибыль. На день рождения, конечно, не покупают, а вот, как похоронка с фронта придет, всегда на могилку берут, так что у меня прибыль постоянная, – хитро протянула она.

– Понятно, – вздохнув, прошептал Андрей, и они бросились в указанном ранее направлении.

– Не нравится мне эта старуха, – произнес он.

– Чем же это? Старуха как старуха, – быстро сказал Митька.

– Понимаешь, странная она какая-то: то слышит, то не слышит.

– Знаешь что, ты беги налево, куда старуха показала, а я направо побегу. Очень уж она подозрительная, – добавил Андрей после некоторого молчания.

– Да ни к чему это. Незачем. Сам посуди, ну зачем ей нам врать? Если только фашисты у нее половину товара не скупили, за помощь в содействии, – смеясь, произнес Митька, а потом добавил:

– Ну, ладно, беги, только это ни к чему не приведет, а для успокоения души проверить можно.

Таким образом, Андрей побежал по правому переулку, а Митька – по левому. Филипенко долго шел по пустынной улице, но никого не обнаружил. Вдруг из соседнего переулка до него донесся отчаянный крик.

– Андрюшка! Помогите! Засада! – эти слова исходили от Митьки.

Андрей бросился на улицу, по которой слышался крик, и увидел, как два человека избивают Митьку.

– Вы что делаете, сволочи! – и он направил на них пистолет, который специально взял с собой, чтобы избежать повторения трагического окончания предыдущего задания.

Командир сам лично несколько раз напомнил ему об этом.

Нападающие остановились. Они удивленно посмотрели в сторону Андрея и, переглянувшись, бросились бежать. Андрей помог Мите подняться, и тут Андрею пришла в голову грандиозная мысль, его будто осенило.

– Я все понял. Старуха работает на них. Она специально направила нас в этот переулок, чтобы нас схватили, а спаслись мы лишь только потому, что бандиты подумали, что ты один, а тут я. Сработал момент неожиданности.

– А у кого же тогда письмо?

И оба побежали за бандитами, предварительно, переглянувшись. Это удивительно, но они догнали их на соседней улице. Завязалась драка, но Мите и Андрею удалось выйти из нее победителями.

– А ну, все к стене! – громко крикнул Андрей.

– Мить, обыщи их.

После обыска нападавших людей, письмо обнаружено не было.

– Где письмо?

Молчание.

– Я спрашиваю. Где письмо?!

Ответа не последовало. Андрей сильно с силой ударил шпиона, стоявшего справа от него. Поняв, что от этих людей им ничего не добиться, товарищи замерли в нерешительности. Воспользовавшись ситуацией, человек, стоящий слева набросился на Андрея и, ухватив его за шею, повалил на землю. Второй шпион сильно ударил в бок Митю и, недолго думая, они бросились бежать. Придя в себя и поднимаясь с земли, Митя произнес:

– Письма то у них нет!

Андрей тяжело вздохнул и опустил голову.

Вдруг он, резко приободрившись, сказал:

– Ладно, пошли побеседуем по душам с той бабулечкой, может сознается.

– И то, правда. Только ведь что толку? Письма с заданием у нас ведь нет.

– Нет, – хмуро ответил Андрей, повторив окончание Митиной фразы.

Филипенко сел на пороге, держась рукой о лоб. Неожиданно он резко вскочил, подбежал к Митьке, схватил его за плечи, начав радостно трясти, в глазах его горел сумасшедший огонек.

– У нее письмо!

– У кого?

– У старухи той. Это ж ведь ей один из этих шпионов письмо передал, потому, что так незаметнее всего его с площади унести, и никто не догадается, а нам про свою глухоту рассказывала, чтобы нас запутать.

– Правильно. Я еще у нее в корзине под цветами белую бумагу заметил, только ведь я тогда подумал... – отозвался Митька.

– Ладно, побежали, может, она еще не ушла.

Солдаты поспешили по знакомому маршруту, пересекли площадь и оказались на том месте, где она продавала цветы, однако площадь была уже пуста.

– Опоздали! – разочарованно произнес Андрей.

Посмотрев по сторонам, Митька заметил вдалеке ярко красные цветы, которые несла в корзине знакомая нам старушка. Приглядевшись, можно было узнать в них гвоздики. Догнав женщину, товарищи решили перекрыть ей дорогу: Митька выскочил вперед, а Андрей стал сзади.

– Привет бабуля! Куда спешим? – смеясь, звонко произнес Митька.

Старуха решила бежать и повернулась к Митьке спиной, делая вид, что не слышит его, но дорогу ей мгновенно перегородил Андрей.

– Вы не ответили на вопрос, – сказал Андрей.

Торговка, понимая, что скрыться ей не удастся, раздраженно заявила:

– Некогда мне. Спешу я!

– Куда же это интересно вы спешите, цветочки то ведь еще не все распродали?

– А мне хватить, я давече рано поднялась, ой, рано, и побольше в корзину нарезала, так что выручка та же, – пытаюсь оправдаться, сказала она.

Однако, поняв, что обман не удался, продолжила:

– И вообще, вам-то какое дело?

– А такое, что письмецо то придется вернуть!

– Какое такое письмецо?

– Такое, что у вас в корзинке под цветами.

– Где? Нету там ничего.

– Тогда, разрешите, я вам помогу, корзинка то ваша, небось, тяжелехонькая? – усмехаясь, добавил Андрей.

Потянувшись за корзиной, Филипенко заметил, что старуха только сильнее прижала ее к себе и отчаянно пыталась вырваться из окружения, но все ее усилия были напрасны.

– Не надо, не тяжелая она, сама донесу.

– Нет уж, разрешите, – произнес Андрей, потянув корзину к себе.

Наконец, корзина оказалась у него в руках.

– Да что ж это делается? Люди! Грабятъ средь бела дня! – завизжала она.

На ее зов быстро прибыл милиционер. Он громко свистел в свисток. Андрей быстро раздвинул цветы и, заглянув в корзину, увидел на ее дне заветный конверт. Филипенко быстро спрятал его и со словами: «Спасибо, бабуля» быстро отдал ей корзину и вместе с Митькой бросился бежать. Когда на площадь прибыл милиционер, искать было уже некого, «нарушителей» и след простыл, а женщина осталась растерянно стоять с корзиной в руках. Тем временем Андрей с Митей спешили в отряд с важным конвертом.

В двух километрах от леса, в котором расположился отряд командира Половцева, есть деревенька. Старая она, почти опустела, как говорят местные жители «три двора на четыре стороны», но даже в такой маленькой деревеньке всегда было с кем поговорить.

Я – житель этой самой деревни Григорий Крапивин, иду по запыленной дороге к своему соседу, что живет на самом краю. Деревня-то у нас большая, а дворов мало. Вот и приходится от одной хаты до другой добрых пятнадцать минут идти. Мне двадцать четыре года, работы не боюсь. Что еще о себе сказать...? Даже не знаю. А вот, вдалеке показался дом дядьки Парфена. Я не спеша сошел с дороги и заковылял по узкой стежке, протоптанной в траве. Вскоре я стоял у крыльца перед его домом. Постучав несколько раз, мне пришлось подождать, но поняв, что

стук услышан не был, повторил его. На крыльце появился человек лет шестидесяти, среднего телосложения, хмурым лицом и седой бородой.

– А ты, Гришка, зачем пришел?

– Да гусей кормить нечем, дядя Парфен, а овес весь вышел, вот я к вам и пришел. Может, поменяете малость овса на капусту?

Старик задумался.

– Капуста это хорошо. У меня что-то в этом году она совсем не уродилась.

Только сейчас обменять не могу, гости у меня.

И после непродолжительной паузы добавил:

– А, ну, ды ладно, заходи в хату, – произнес старик, махнув рукой.

Я часто бывал у дядьки Парфена, поэтому дорогу мне показывать не пришлось. Зная расположение дома, я быстро зашагал в прихожую. Пройдя в комнату, заметил, что за столом сидит мужчина моего возраста. Мне показалось, что я знаю его. Я, молчал, пытаюсь вспомнить, где мог видеть его раньше, но в то же время, у меня было странное чувство, будто знаю его всю жизнь. Не понимая, как объяснить это необычное чувство, я замер в нерешительности. Человек за столом заметил чье-то присутствие и повернул ко мне свое лицо. Я тут же узнал его, радость встречи наполнила меня счастьем, а глаза заблестели радостным огнем. Это был мой друг, не просто друг, а лучший друг, с которым жили по соседству. Мы часто играли в детстве. Не сумев сдержать свою радость, я закричал изо всех сил:

– Сенька, ты!

– Гришка! Как же ты здесь?! – отозвался он.

Сенька бросился ко мне на встречу, подскочив с табуретки.

– Да нормально. А ты где сейчас живешь? Почему из деревни уехал?

Мы сели за стол. Голос Сеньки изменился. Счастливые нотки сменились печалью и задумчивостью.

– Да, понимаешь, Гришка, как отца в сорок первом убили, так мы с матерью и переехали в другую деревню, там в то время спокойнее было... – начал он.

– У меня ведь тоже отца убили, на фронте, через две недели после начала войны, – произнес я, тяжело вздохнув.

– Ладно, хватит о грустном. Мы с тобой после стольких лет, наконец, встретились и начинаем грустить.

– И то, правда, – согласился я.

После некоторого раздумья я спросил:

– А Сашка не знаешь где?

– Какой Сашка?

– Да не какой, а какая. Ну, Сашка! Не помнишь?! Да как же это? Ну, Сашка Давыдова?

– А-а, Сашка. Так бы сразу и сказал.

– А я про что?

– Она сейчас в соседней деревне и живет. Тринадцать километров от моей где-то.

– А-а, понятно. А Мартын?

– Вот про него ничего не знаю. Знаю только, что уехал он, а куда и где сейчас не ясно.

Да Мартын всегда особенный был.

– Воображал много, – отозвался я.

– Да не в этом дело. Мы его понять не можем, да и никогда не могли, потому, что другой он, не такой, как я, ты, Сашка. Характер у него другой, понимаешь?

– Да... – задумчиво произнес я.

И мы погрузились в воспоминания. Я увидел свою деревню, то время, когда мы все вчетвером жили по соседству: я, Сенька, Сашка и Мартын. Было тихо и спокойно. Раннее утро, солнце только появилось из-за горизонта, его ярко красный диск бросает яркие лучи на поле,

отчего оно приобрело красноватый отлив. Воздух свежий, чистый, он наполнен ароматами луговых цветов, высохшего сена и ароматной земляники. В воздухе слышится жужжание шмелей, ос, в траве трещат насекомые, порхают бабочки, перелетая от цветка к цветку. Вот одна из них села мне на голову, когда я прогуливался около дома. Как прекрасно вокруг! Ощущается утренняя прохлада, от которой мурашки пробегают по всему телу, звонко поют птицы, а сандалии промокли от росы, выпавшей еще с вечера, и эта влажность чувствуется даже в воздухе. Вот начала свой отсчет кукушка, но я не стану считать, сколько лет мне осталось жить, ведь давно известно, что правды она не скажет, я лишь буду наслаждаться ее звонким голосом и утром, столь прекрасным в этот ранний час. Пять утра. Возможно, читатель задастся вопросом, что я делаю так рано на улице? А мне не спится. Когда лучи солнца только, только заблестели в моем окне, я наскоро оделся и выбежал из дома встретить это прекрасное утро. Мне семь лет. Я стою в яркой панамке с вышитым цветком, темно-зеленых штанишках и яркой рубашонке.

– Гри-и-шь! Гри-и-ша! – раздался голос мамы.

– Что, мам? – закричал я в ответ, увидев ее у калитки.

– За тобой Саша и Семен пришли, на улицу зовут. Пойдешь?

Я, не отвечая, бросился к калитке, оббежал дом и уже через мгновение оказался во дворе, где меня ждали мои друзья. Сашке было семь лет, а Сеньке шесть.

– Побежали в футбол играть! – предложил Сенька.

– Побежали! – согласился я.

И мы помчались на поле, что расстилалось прямо перед нашим домом. Мы гоняли мяч, бегали, кричали, часто попадая друг другу по ногам, отчего Сашка часто плакала и уходила домой, но в этот раз все обошлось только ушибленной коленкой. Саша села на траву и долго терла ее рукой. Мы остановили игру и стали ждать, когда она вернется. Вдруг она подняла глаза и, показав рукой в сторону, сказала:

– Смотрите, Мартын вышел.

Мы повернулись, чтобы посмотреть, так как стояли к нему спиной. Действительно, на улицу соизволил выйти Мартын. Но казалось, он даже не замечал нас, и прошел мимо с серьезным видом.

– Смотрите, даже не поздоровался, – произнес я.

– А он никогда не здоровается, – ответил Сенька.

К футболу у нас сразу пропал интерес и мы стали наблюдать за Мартыном. Он прошел немного в сторону, остановился, и, сев на корточки, начал что-то вертеть в руках. Эта вещь светилась и блестела, и нам сразу захотелось посмотреть. Через несколько секунд мы стояли возле него.

– Мартын, а что ты делаешь? – спросила Сашка.

– Не ваше дело, – отозвался он.

– Ну, скажи, нам ведь тоже интересно, – умолял Сенька.

– Уйдите, малявки, что вы понимаете.

(На тот момент Мартыну было восемь лет).

– Ну, скажи, – завопил я.

Ну ладно. Вы ведь все равно не отвяжетесь. Видите – это лупа, – протянул он.

– Ух, ты! А откуда она у тебя? – удивился я.

– Это я у папки взял.

– А-а.

– Смотрите, я направляю солнечный луч на лупу. Вот видите, свет пошел снизу, – сказал он, указав на образовавшийся световой кружок.

– Ага, – хором отозвались мы.

– Теперь смотрите, сейчас трава должна загореться, это мне папка рассказал. Вот я и решил попробовать, – гордо произнес он.

Мы начали ждать, но огня почему-то все не было. Мартын уже несколько раз менял угол наклона, увеличивал и уменьшал высоту падения лучей, но все без толку. Мы стояли и не могли понять, почему ничего не получается.

Вдруг на крыльце дома Мартына показался Павел Андреевич – это его отец.

– Дядь, Паша, – закричали я и Сенька.

– Что? – со смехом и удивлением отозвался он.

– Подойдите сюда! У нас почему-то трава не загорается, – прокричала Сашка.

– Иду, – ответил он.

Оказавшись рядом с нами, он спросил:

– Ну что у вас случилось?

– Дядь, Паша, дядь Паша, у нас трава не горит, – сказала Сашка, указав на лупу.

– Да кто ж так делает? Трава-то сухая должна быть, солома например, а вы взяли сырую поджигать, – смеясь, произнес он.

И он, поискав соломинку, продемонстрировал нам каким образом нужно зажигать огонь при помощи лупы. Мы удивленно смотрели. До этого момента нам никогда не доводилось видеть такого, отчего это казалось нам настоящим чудом.

– Да...! Было время, – произнес я, выйдя из счастливых воспоминаний.

– Ага, – ответил Сенька.

– Я, вот сейчас про лупу вспоминал, помнишь, когда мы вчетвером...

– Помню, – мягко прервал он.

– А ты что вспомнил? – спросил я.

– А мне почему-то разговор наш вспомнился, когда мы только школу закончили. Не знаю почему, но запал мне этот эпизод в душу и все.

И перед глазами невольно возникло воспоминание. Я, Сенька, Сашка и Мартын сидим вечером на крыльце перед домом Сеньки. Тишина кругом, благодать. Солнце садится. Смотришь на вечернее поле, на березку, что колышется на теплом ветерке у дома, на заходящее солнце, залитое заревом небо, и понимаешь – вот она настоящая Родина. И не в больших городах она, а здесь, рядом, на необработанной и заросшей земле. Громко стрекочут в траве кузнечики, и снова кукует кукушка. Вот смотрю на эту красоту и понимаю, что ни на что я свою Родину не променяю и отсюда никуда не уеду.

– Посмотри, красота-то какая! – сказал я.

– Да, места у нас красивые. Ничего не скажешь, – ответил Сенька.

На крыльце в приоткрытой двери показалась мама Сеньки.

– Ребята, вы бы в дом зашли, прохладно ведь.

– Не, не, тетя Наташ. Нам и здесь хорошо, – ответил я.

– Ну, как хотите, как замерзнете – приходите.

– Ладно, если что – придем, – ответил Сенька.

И она закрыла дверь. Мы немного посидели молча, а через некоторое время тишину прервал своим голосом Сенька.

– Наконец-то школу закончили!

– Ага, – ответил я.

– Ребята, а вы думали, кем стать хотите?

– Да не знаю, не думал еще. А что? – ответил я.

– А я шофером хочу стать. Вот буду на машине гонять и вас подвозить – сказал, мечтая, Сенька.

– А я хочу быть учительницей. Я об этой профессии еще с детства мечтала, – произнесла Сашка.

– А-а, – ответил он.

Мы замолчали, затем быстро посмотрели на Мартына, который все время молчал. Сенька спросил:

– Мартын, а ты что молчишь? Кем ты стать хочешь?

Он, казалось, вышел из задумчивости и ответил:

– Я мечтаю стать командиром красной армии.

– Да, хорошая мечта – сказал Семен, почесывая затылок и смотря мечтательно вверх.

Из задумчивости нас вывел, появившийся в дверях, дядька Парфен, прижимавший к плечу на половину наполненный мешок с овсом.

– Вот овес, а капусту завтра принесешь, – сказал он.

– Вот спасибо, а то ведь у меня со вчерашнего вечера гуси не кормлены.

– Нихай (пусть) едят, – ответил он.

Я поднялся с места.

– Ну, до свидания, Сеня, – произнес я, подавая ему свою руку.

– До свидания, Гриш, – отозвался Сенька.

– Будешь в наших краях – заходи. Моя хата третья с краю, по правой стороне.

– Ладно, зайду. Ты тоже у нас будешь – мимо не проходи.

– Хорошо.

Я отошел от стола. Все втроем мы вышли на крыльцо.

– Ну, Сеня с воскресеньем тебя, – усмехаясь, сказал я, похлопывая его по плечу.

– Чего это? – недовольно спросил он.

– Просто поговорка такая есть, а сегодня как раз воскресенье, вот тебя и с воскресеньем.

Понял теперь?

– Ага.

Семен поблагодарил дядьку Парфена за обед и пошел по протоптанной тропинке к своему дому. Я, молча, смотрел ему вслед. Когда он скрылся из вида, я попрощался со своим соседом и попытался поднять мешок, но с первого раза мне это не удалось. Тогда хозяин дома спустился по ступенькам с крыльца и произнес, видя, что я не могу справиться:

– Постой. Давай помогу.

Он подбежал ко мне, помог запрокинуть мне на плечо мешок и я заковылял по знакомой дороге к своему дому.

Вернувшись домой, я насыпал овес для гусей, зашел в дом и решил сам немного перекусить. Поставив на стол то, что всегда водилось в каждом доме: огурцы, лук, помидоры и соль. Также на столе присутствовал и кувшин молока. Вдруг я услышал, как заблеяла коза на лугу. Хозяйство у меня большое, поэтому скучать не приходится. Недолго думая, я выбежал во двор. Оказалось, что она запуталась в своей веревке, которой были опутаны все кустарники, растущие поблизости. Распутав козу, я вернулся в дом. На столе сидела кошка по кличке Галоша. Она лакала из кувшина парное молоко.

– Галошка, Галошка. Что ж ты творишь? – произнес я.

И сняв кошку со стола, усадил ее на пол и налил в блюдце немного молока.

Неожиданно в дверь постучали. Открыв, я узнал в пришедшем человеке своего хорошего знакомого Ерему.

– Заходи, Ерем, – сказал я.

Он прошел в комнату.

– Да я мимо проходил, дай, думаю, зайду.

– Ну, заходи. Ты мой характер знаешь, я никого никогда не гоню. Обедать будешь?

– Давай, – ответил он.

Мы сели за стол.

– Да вот, надо вечером дядьке Парфену капусты отнести, не забыть, а то ведь не хорошо получится: овес взял, а отдать забыл.

– Это правильно, – отозвался он.

– О, слышь, сейчас яичницы поджарю, – быстро сказал я и выбежал на улицу.

Зайдя в сарай, я стал карабкаться по лестнице на кучу сена, так как там я установил гнездо. Мое присутствие сильно не понравилось находившейся там курице, и она начала громко кудахтать. На ее крик отозвался петух, подпевая своим звонким голосом. Теперь шум стал невозможным и я не знал, как оттуда поскорее уйти. Найдя гнездо, которое я сделал из старой плетушки без дна, я попытался нащупать яйцо. Курица не унималась. Она бегала по всему сену и теперь прыгнула на край лукошка (корзины), перевернув его. Хорошо, что оно было без дна. Лукошко упало мне на голову, яйцо скатилось с сена и разбилось, а курица, размахивая крыльями, выбежала из сарая. Меня обрадовало, что яйца было два. Я забрал уцелевшее яйцо и вернулся в дом.

– Ты, я смотрю, в другую сторону ходил. Ты что курятник переделал?

– Да нет. Просто в курятнике нестись не хотят, а где сено – палкой не выгонишь, вот я гнездо там и установил.

– А-а.

Вдруг с печи спрыгнула кошка и побежала к нам.

– Галоша, опять ты здесь. Что не наелась?

– Слышь, а чего это ты кошку галошей назвал?

– Да понимаешь, все время, как ни гляну, в моей галоше спит, вот я ее и назвал.

– Понятно. Эх, хорошо, что в нашей деревне спокойно пока, а то ведь в дальних районах так стреляют, что спасу нету. Я у тебя чего спросить хотел. Не знаешь или, может, заподозрил кого, кто может на немцев работать?

– Не знаю. А что думаешь, у нас в деревне такие могут быть? – удивился я.

– А, ну, ладно.

– А зачем это тебе?

Да я так спросил, просто.

– А-а.

– Ну ладно, Гришка, пойду я.

– Прощай, Ерема, заходи ежели что.

– Зайду. Спасибо.

Я проводил Ерему и сел на лавку. Он в наших краях недавно появился, товарищ он хороший и поговорить можно, только, кажется, скрывает он что-то. Знаю, что злого умысла у него нет. О его вопросе я еще долго размышлял. Отнеся капусту соседу, я решил идти коротким путем около реки. Темнело. Солнце садилось и, глядя на реку, открывался чудесный вид. Небо залито фиолетовым заревом, и свет падает на слегка колышущиеся волны. Я не смог пройти мимо этого зрелища и сел на траву понаблюдать за этой красотой. Долго просидел я так, пока не заметил вдалеке слабо вырисовывающуюся человеческую фигуру. Вглядевшись, я понял, что это был Ерема.

– Ерема, ты? – крикнул удивленно я.

Он заметил меня и быстрым шагом направился в мою сторону. Когда он подошел совсем близко и сел рядом, я спросил:

– Что это ты по ночам расхаживаешь? Как шпион прямо, – сказал я в шутку.

Было видно, как он испуганно посмотрел и через мгновение, смеясь, проговорил:

– Я? Шпион? Ха-ха, да какой из меня шпион? Просто не спалось, вот и решил пройтись.

– А ты-то, что здесь сам делаешь? Я думал ты у дядьки Парфена, – через некоторое время добавил Ерема.

– Да нет. Я ему капусту еще днем отнес.

– Понятно.

Так мы просидели еще некоторое время, затем попрощались и разошлись по домам.

На следующее утро я проснулся разбуженный криком петуха. Заметив в сарае, что сено на исходе, решил, пока еще солнце не взошло, накосить. На часах было четыре часа утра. Я взял косу, нужные инструменты и пошел во двор отбивать ее лезвие, затем взял брусок и долго точил ее. После этого я пошел в сарай и вывел своего коня. Я его очень люблю. Он самый верный товарищ и друг. Он мне очень дорог, и я не променяю его ни на какие деньги. Так как я шел на поле, то решил заодно взять и его, чтобы привязать на лугу. Прихватив с собой на всякий случай молоток и брусок, я направился в поле. В моей сумке был обед и молоко. Я вышел на дорогу, прикрыл калитку и побрел по извилистой тропе, едва заметной среди травы. Как же мне нравится утренний покос! Сколько раз прихожу на поле, столько восхищаюсь. Это ж надо красотища-то какая! Просторы, поле, ветер. Солнце еще не взошло и по коже пробегает легкий холодок. Повсюду пахнет полем, а вдалеке виднеется лес, он кажется таким пустынным и спокойным, кукует кукушка, на траве лежит роса, а я босиком иду через поле по извилистой тропке и веду под уздцы своего коня...

Теперь пора узнать обстановку в отряде. Рано утром из леса в отряд прибежал странный человек и потребовал командира Половцева. Сразу было видно, что он не из своих, так как был одет в холщевую рубаху или, проще говоря, в штатскую одежду. Однако, странное дело? Несмотря на его внешний вид, никто не удивился его появлению, казалось, он уже не единожды появлялся здесь и вместо того, чтобы поднять тревогу и узнать, как он здесь оказался и нашел их лагерь, его спокойно пропустили, и создавалось впечатление, что никто не замечал его появления. Через некоторое время незнакомец уже стоял около командира Половцева. На вид ему было лет двадцать пять, но, несмотря на его возраст, лицо было серьезно, хмуро, а на нем читалось, что он выполняет какую-то особо важную для отряда миссию.

– Какие новости в деревне? – строго спросил командир.

– Докладываю, товарищ командир, подозрительных личностей в поселке не обнаружено. Новых жителей нет и, по всей видимости, с фашистами никто общих дел не имеет.

– Информация проверена?

– Обижаете, товарищ командир.

– Молодец, Ерема. Хорошая работа. Выполняй свою миссию дальше: каждое утро приходи ко мне в шесть часов и докладывай обстановку.

– Есть, продолжить выполнение задания! Разрешите идти?

– Идите.

Таким образом простой деревенский житель Ерема, хороший мой друг оказался разведчиком, переодетым в местного жителя, который докладывает в лесной отряд обстановку в деревне и высказывает свои предположения по поводу окружающих, чтобы удостовериться в том, что данный житель не является немецким шпионом. Радует только то, что он хотя бы работает не на фашистов, по крайней мере, бояться его не стоит.

Тем временем после ухода Еремы к командиру подошел Сева.

– Звали, товарищ командир?

– Да, Сева. Что-то не нравится мне, что Андрюшка с конвертом задерживается. Я думаю, как бы не случилось чего?

– Да, что там случиться может? Скорее всего, проверяет, не следят ли за ним, вот так долго и не решается к нам приходиться.

– Будем надеяться, – вздохнув, произнес Петр Харитонович и через мгновение размышления произнес:

– Ребят-то тоже нет, которых я к нему на помощь послал, вот что.

– Не знаю, товарищ командир. Надеюсь, что справятся.

– Ладно. Только бы не получилось, как в прошлый раз.

На эту фразу Севка ничего не ответил, а лишь промолчал, опустив голову.

Вдруг из леса выбежал один солдат, специально посланный для того, чтобы узнать, что случилось с Андреем и двумя другими солдатами.

– Срочное сообщение! Срочное сообщение! – прокричал он и остановился около командира и Севы.

– Ну, что там? – торопил его Половцев.

– Хорошая новость: Филипенко просил передать, что дня через два будет в отряде, задание выполнено, письмо у него. Правда, он еще говорил про то, что что-то пошло не по плану, подробности расскажет на месте, но главное, что все обошлось. Сейчас он скрывается в заброшенной часовне за деревней, боится, что за ним следят, но сказал, что все в порядке.

Командир, едва заметно, улыбнулся, посмотрел на Севку, который сказал с улыбкой:

– Вот видите, все в порядке, а вы волновались.

Половцев глубоко вздохнул и произнес:

– У-ух, как гора с плеч.

– Разрешите идти? – спросил солдат.

– Да. Идите, – ответил командир и в хорошем расположении духа присел на заваленное дерево.

Этим днем я накопил сена и после тяжелой работы сидел у себя на крыльце, расположившись на ступеньках, и курил самокрутку. Я даже не заметил, как к дому подошел Ерема.

– Ерема! Ну, и напугал же ты меня! Как же это ты умеешь подкрадываться незаметно, даже и не знаю?

– Часть профессии, – с легким воображением произнес он, надвинув на лоб кепку легким и непринужденным движением руки.

– Что? – тихо спросил я.

– Да нет, ничего. Это я так.

Затем, постояв некоторое время в нерешительности, произнес:

– Ну, ладно, пойду я.

И уже повернувшись уходить, резко остановится. Казалось, он что-то хотел спросить и не решался. Так и не осмелившись, принял решение удалиться. Неожиданно он поборол сомнение и, повернувшись ко мне, решительно произнес:

– Нет, Гриш, я все-таки тебе скажу, хоть и не положено. Я ведь к тебе по делу пришел, с официальным визитом, так сказать.

– А что такое? – удивленно спросил я, потушив окурок.

– Я слышал, отца у тебя на войне убили?

– Да. Но я об этом вспоминать не люблю, – строго произнес я.

– Да я понимаю, а ты мне лучше вот что скажи: отомстить не хочешь? – сказал Ерема и глаза его загорелись диким и сумасшедшим пламенем.

Я испуганно посмотрел на него.

– А разве возможно это? – нерешительно проговорил я.

– Возможно, Гришаня, возможно. Знаешь мне ведь об этом распространяться не велено, но тебе скажу. Мы с тобой уже столько времени дружим. И огонь, и воду вместе прошли.

– Это верно, – все еще не понимая, ответил я.

Тебе врать я не хочу, да и не по-людски это. Я ведь, знаешь, разведчик. Да-а. Что удивлен? – смеясь, произнес он.

– Да, как сказать. Что не ожидал, так это уж точно.

– А-а – хитро ответил он. Столько лет меня знаешь и ни о чем не догадался. Во как! Учись! – смеясь, шутливо добавил он.

– Слушай, а приходи в наш отряд служить. Будешь разные задания выполнять, за отца отомстишь, а? Место нашего лагеря я тебе сказать не могу пока, военная тайна, сам понимаешь, но если согласишься, то другое дело. Ну, дык как?

– Предложение, конечно, заманчивое. Только вот нужно ли? Хозяйство у меня опять же. Вроде жизнь спокойная, у нас не стреляют, а что еще нужно?

– Ну, скажи – неужели ж тебе не хочется Родину защищать? Она гибнет. Гибнет, а ты здесь курей пасешь! Думаешь, отсидеться получится? Думаешь, немцы тебя стороной обойдут? Только вот, что я тебе скажу, Гриша: не будет этого! Слышишь?! Не будет! А вот когда коснется, ты ко мне прибежишь, только я тогда уже подумаю: принять тебя или нет! – слегка повысив голос, и разгорячившись, кричал он.

– Да причем тут это? Как ты вообще такое подумать мог? Хорошо, подумаю я. Мне ведь всегда хотелось в ряды нашей армии вступить, только казалось не время все.

– Время лет в сорок будет? Ладно, даю тебе на размышление неделю. Ежели надумаешь, найдешь меня в заброшенной хате, что на краю деревни. Я ведь и так много чего неположенного тебе сказал, как другу. А ты? Э-эх! – качая головой, говорил он.

И, махнув рукой, добавил:

– А еще друг называется!

– Да что друг? Это ведь личное дело каждого человека. Шаг это серьезный. Представь, в одну секунду разломать всю жизнь, а ты еще хочешь, чтобы я сразу отвечал, это же, как снег на голову, – вскипел я.

– Да сказал же, неделю даю. Все, пойду я, а то и так много времени потерял. Надеюсь, что ты меня не подведешь, – раздраженно произнес он.

И он исчез, завернув за угол дома, а я остался раздумывать над его предложением.

Этот день прошел как обычно и поэтому на его описании я не останавливаюсь, а вот вечером произошло событие, которое перевернуло всю мою жизнь. Я принес воды из колодца и вошел в дом. Через некоторое время мне показалось, что я слышу какой-то странный шум, как-будто, гул самолета, но значения этому я не придавал и снова, сидя у стола, погрузился в свои размышления. Я думал о разном: о том, что надо за дровами сходить, гусей накормить и о многом другом, а также вспоминал слова Еремы.

– А может и правда, пора уже Родину защищать? Хватит в деревне отсиживаться. Может прав был Ерема. Да. Прав. Скорее всего, я не могу вот так сразу взять и начать все сначала, все по-новому. Может быть, моя нерешительность мешает мне? А ведь в глубине души я, наверное, понимаю, что должен быть в их отряде. Все, завтра точно пойду и скажу Ереме, что я согласен и если придется жизнь за Родину отдать, то я это сделаю. Но опять же хозяйство, родная деревня, спокойная жизнь. Зачем что-то менять?

Такие противоречивые мысли мучили меня и не давали покоя. Вдруг во дворе заблеяла коза.

– Опять запуталась, – подумал я и вышел на улицу, чтобы освободить ее.

До козы оставалось пройти шагов семь, как за моей спиной раздался взрыв. Взрывной волной меня отбросило в сторону и слегка присыпало землей. Пролежав так несколько минут, я решил подняться на ноги. Осмотрев себя и убедившись, что я не ранен, стал озираться по сторонам. Я ничего не слышал. Поняв, что потеря слуха произошла в результате взрыва, немного успокоился, зная, что через некоторое время слух должен вернуться. Обернувшись, я посмотрел на дом, из которого только что выходил и окаменел. То, что я увидел, не поддавалось описанию. Вместо только что стоявшего дома образовалась глубокая воронка. Не было ничего, только глубокая яма, вырытая в земле. Можно было подумать, что здесь вообще никто никогда не жил, не осталось даже щепки от дома. Я стоял и смотрел на эту картину. Мой дом был стерт с лица земли, будто его вообще здесь никогда и не было. С минуту я пребывал в шоке. Через некоторое время я понемногу начал приходить в себя и понимать что происходит. На лице моем показались слезы, глаза впали, лицо было бледно, а взгляд смотрел в пустоту. Война дошла и до нашей деревни, где до этого было спокойно. Раньше казалось, что она где-то далеко, не здесь и у нас такого точно быть не может. К сожалению, мои надежды, что война не

затронет наш поселок, рухнули. Вот она, здесь. Вспомнив, о делах по дому, которые собирался выполнить, я с горечью усмехнулся, наверное, я сходил с ума. Повсюду гремели взрывы, летали фашистские самолеты, из домов с криками о помощи выбегали люди. Они спасали своих детей, искали в этой суматохе своих родственников, только я этого ничего не слышал, я стоял и смотрел на разрушенную жизнь. Глупо было раньше думать, что нашу деревню фашисты не тронут, обойдут стороной и не заметят, она ведь такая маленькая, ее и на карте-то не найдешь. Ан, нет. Моей деревни больше нет, ее стерли с лица земли. Через мгновение я упал на землю и, уткнувшись лицом в траву, отчаянно зарыдал. Читатель, возможно, задастся вопросом: как можно лежать на поле и рыдать, когда повсюду взрывы, нужно бежать и неважно куда, главное, как можно дальше от этого места. Но мне в тот момент было совершенно все равно. Жил я один, родителей в сорок первом убили (они, тогда как раз в городе были, а тут немецкие самолеты... город разрушен, родителей нет). Мысль о том, что моего лучшего друга больше нет, разрушала меня, мой конь... Больше у меня ничего не было, кроме собственной жизни, но в этот момент я не прочь был с ней расстаться.

Повсюду бегали люди, продолжали лететь гранаты, а я один лежал на поле и только, пожалуй, со мной рядом, также сильно переживая, бляла коза, привязанная недалеко и сейчас стоявшая возле меня. Не знаю, сколько времени я так пролежал, может час, а может и целый день, только, когда я поднялся, взрывов уже не было, а слух восстановился. Я посмотрел вокруг. Передо мной предстало ужасное зрелище: некоторых домов не было совсем, как моего, от некоторых остались кое-какие обгоревшие доски и бревна, в некоторых были провалены крыши. Но было одно, что их объединяло, все они были разрушены, и нигде не было видно людей, точнее, трупы были, но живых не было никого. Повсюду были разбросанные мертвые тела и отдельные фрагменты. Люди, оставшиеся в живых, скорее всего, убежали искать спасения в лес или уехали на машине, что специально была направлена для этих целей. Я отвязал козу, и она быстро скрылась в лесу. Теперь я остался один. Если раньше я еще сомневался, то теперь точно знал, что мне делать. Да, я пойду к Ереме! Теперь меня ничто не удерживало, мысли мои были ясны, не было противоречий, и я точно знал, что хочу быть в их партизанском отряде. Хорошо бы он принял меня и не отказал. Все вышло, как он и предрекал. С решительным и отчаянным видом я побрел по пыльной дороге. Странно, но я ничего не боялся, мне нечего было терять, и нечего было ценить. Наконец, я дошел до последнего дома деревни, что находился у края дороги. Он был давно заброшен, и находился на большом расстоянии от остальных, скрытый в тени густо заросшей растительности. Мощные кроны деревьев скрывали его от посторонних глаз, возможно поэтому, он стал единственным уцелевшим строением. Я спустился с пригорка, так как дом находился в легкой низине и, ускорив шаг, уже через несколько минут стоял перед его крыльцом. Дверей и окон там не было. Не знаю, как вообще он мог там скрываться, но все же это было именно так. Возможно, его не замечали и не пытались разыскивать там, видя, что дверей там нет, окон тоже. Где там спрячешься? Однако факт оставался фактом, в этом месте он уже долго скрывался, а так и не был никем обнаружен. По дороге к дому я вспомнил о моем друге детства Сеньке и подумал:

– Интересно, как он там? Уцелел ли он после взрывов?

Этот вопрос постоянно мучил меня и не выходил из головы. В этот момент я принял следующее решение: поклялся, что обязательно найду его, если, конечно, он остался жив.

Но вот я вошел внутрь и стал тихонько звать:

– Ерема. Эй, Ерема. Ты здесь?

После некоторого молчания (вероятно, он пытался узнать мой голос) послышался ответ.

– Да. Заходи.

И из соседней комнаты появился Ерема.

– Ты один? Хвост за собой не привел?

– Да вроде нет, – нерешительно произнес я.

– Ладно. Зачем пришел? – слегка развязно спросил он.

– Я готов, – решительно ответил я.

Он пристально посмотрел на меня, как бы спрашивая: «А не передумаешь?», но, увидев в моих глазах серьезность, ответил:

– Ха! А как же дом, хозяйство, тихая спокойная жизнь? – коротко сказал он, потирая шею ладонью со стороны затылка, подтрунивая, и с усмешкой произнес он.

– Нет у меня дома, – спокойно ответил я.

Мне казалось, что он сейчас, издеваясь, будет говорить что-то вроде: – «Да что ты! Да как же это так?» или в лучшем случае: «Ну, я же тебе говорил. Что? Коснулось?», однако, вопреки моим ожиданиям, ничего подобного к моему великому удивлению не было.

– Да, – со вздохом произнес он и впал в глубокую задумчивость.

– Ну, дык как? Возьмешь меня к себе в отряд? – все более нерешительно произносил я.

Он молчал. Я стал думать, что Ерема сейчас откажется, но через мгновение произнес:

– Хорошо. Уходим через два дня. Так как дома у тебя нет, можешь это время переждать здесь.

– Нет, спасибо Ерема. У меня ведь еще одно дело есть, мне надо друга найти, так что пойду я.

– Ну, как знаешь.

Я вышел и уже шагал по той же дороге в соседнюю деревню, а он еще долго стоял и смотрел мне вслед из дверного проема.

Я шагал несколько часов и, наконец, оказался у нужного дома. Пока я шел по деревни, заметил, что здесь ничего не тронут и сердце наполнилось радостью и надеждой. С улыбкой на лице подходил я к его дому. Близился вечер, и солнце понемногу начинало садиться. Стояла такая тишина, что казалось, все замерло, только изредка жужжали пчелы и летали комары. Вдруг где-то далеко послышался знакомый шум и на небе появились немецкие самолеты. Мне на встречу, чуть не сбив меня с ног, выбежал Сенька. Он так спешил, что даже не заметил меня.

– Сеня, подожди! – кричал я вслед удаляющемуся товарищу.

– А? – обернувшись, спросил он.

– Это же я!

– Ой. Что ты стоишь? Побежали! – кричал он, и мы бросились в лес.

Добравшись, мы решили передохнуть.

– Ой, прости, Гришка. Я ведь даже с тобой не поздоровался, – опомнился он.

– Да ладно, что ж я не понимаю? Обстрел ведь.

– Все. Теперь от моего дома остались, что называется, рожки да ножки, – с легкой усмешкой произнес он.

Я всегда удивлялся его юмору и иронии. Вообще, надо сказать, он никогда не унывал и всегда мог всех развеселить остроумной фразой, однако ведь сейчас совсем не тот случай. Я про себя восхищался им, его спокойствием. Невольно сравнивал один и тот же случай с домом: со мной и с ним, и увидел очень яркий контраст между моим и поведением и его.

– Да, шутки шутками, но куда идти теперь я не знаю, – серьезно произнес он.

Я подумал про себя: «Шутки? Как это слово вообще уместно в этой ситуации?», но промолчал, зная, что это может обидеть его. Видно такой он человек, на все с юмором смотрит. Как это я раньше этого не замечал, ума не приложу?

Я принялся размышлять, куда идти дальше. Зная, что ни у меня, ни у него нет жилья, мысль пойти домой я сразу отбросил. И тут мне в голову пришла гениальная мысль.

– Знаю! Твердо сказал я – пошли.

И взяв его за рукав, потащил за собой.

– Куда? – в недоумении спросил он.

– Сейчас узнаешь.

Мы долго пробирались по лесным зарослям, пока наконец не вышли на равнину. За спиной у нас шумел лес, а перед нами открывался вид на деревню. Я вел его к дому Еремы. Вскоре мы добрались до нужного нам места. Войдя внутрь, я стал звать:

– Ерема! Слышишь? – шепотом звал я.

– Что? – отозвался он, выходя все из той же комнаты.

Услыхав наши голоса, он встревожено спросил:

– Ты что не один?

– Нет, со мной мой товарищ, – пытался успокоить я.

Но он, не унимаясь, твердил:

– Ну, и что ты сделал? Ты же меня раскрыл.

– Не волнуйся! Я же сказал тебе, это мой друг, мы с ним с детства дружим, так, что он не предаст, – повторил я.

– Ну, смотри, – настороженно произнес он.

Теперь Ерема осмелился подойти ближе. Было темно. К тому времени, как мы оказались здесь, уже совсем стемнело, и, таким образом, он не смог сразу разобрать сколько человек находится в комнате. Поэтому не удивительно, что он подумал, будто я один.

– Что решил переночевать? – с усмешкой спросил он.

– А как ты догадался? – изумился я.

– А тут и догадываться нечего. Ладно, сейчас пойду готовить место для вашего ночлега, – спокойно ответил он и вышел из комнаты.

Мы с Сенькой остались одни.

– Сень? – неуверенно обратился я.

– Что? – беззаботно отозвался он.

– Я хочу тебе сказать одну очень серьезную вещь. От твоего решения сейчас будет зависеть дальнейшая судьба.

– А что такое? – испугался Сеня.

– Слушай, я сейчас все тебе расскажу. Этот человек является партизаном. В своем отряде он выполняет роль шпиона и, как я понимаю, вербовщика. Знаешь, ведь нашей армии так нужны люди. В общем, я сегодня принял решение стать в ряды нашей армии и призываю тебя пойти со мной. Все. Сказал – выдохнув, произнес я и махнул головой в сторону комнаты, в которую вошел Ерема.

– Что ты на это скажешь? – встревожено посмотрев, спросил я.

А затем добавил:

– Я ведь тебя не тороплю, можешь подумать, знаю, что дело очень серьезное, но если ты откажешься, винить я тебя не стану. Подумай, хорошо подумай, – произнес я.

– А что тут думать? Ведь сейчас сбылась моя самая заветная мечта! Спасибо тебе, Гришка, за это предложение, я ведь о таком уже и не мечтал! – весело ответил он.

Говоря это, глаза его сияли радостью.

– Правда? – спросил нерешительно я.

– Конечно правда. А что, разве может быть другое решение? Так я его не вижу, – серьезно ответил он.

– Спасибо, Сенька, спасибо. Выручил. Ну, когда друзья со мной, мне не страшен ни снег, ни зной, – произнес я.

В этот момент вернулся Ерема.

– Все готово.

– Ерема, я должен тебе кое-что сказать.

Он остановился и устремил на меня свой взгляд.

– Понимаешь, со мной хочет мой товарищ пойти, – продолжал я.

Ерема задумался и затем сказал:

– Что ж, нам люди нужны, чем больше, тем лучше, так что добро пожаловать. Завтра я вас отведу в лагерь, а сейчас пойдёмте я вам место для ночлега покажу.

Он повел нас в комнату, из которой только что вышел. Домик был небольшой всего-то две комнатки и то без окон и без дверей, но разместиться было возможно.

– Эту комнату я в расчёт не беру, потому как, здесь двери выходят на улицу и видно любого, кто бы здесь не находился, а эта закрытая со всех сторон деревьями, поэтому особенно не видна, – сказал он, остановившись в дверях, разделяющих две комнаты, и указал на ту, из которой мы только что вышли.

Когда мы оказались внутри, мы поняли, как ему столько времени удавалось пробыть в этом доме и оставаться незамеченным. В полу было вырыто нечто похожее на окоп, там был установлен стол, стул, а на столе лежала тетрадь с записями и ручка. Здесь он видимо вел отчёт о своих результатах при выполнении поставленных задач. На поверхности лежали три старых матраса, разбросанных по углам, и подушки, набитые старыми вещами. Вот, пожалуй, и все, но мы были рады и этому. Легли спать, а я все думал о завтрашнем дне.

Едва взошло солнце, как Ерема принялся нас будить. Мы быстро поднялись и через несколько минут были готовы к предстоящему походу.

– Знаете, мы ведь вообще-то непроверенных людей в отряд не пускаем, а то мало ли что, вдруг переодетым фашистом окажется. Обычно мы долго присматриваемся. Подойдет ли нам этот человек, не придаст ли он нас? Так что вы не подумайте, что к нам просто так попасть можно. Вы исключение, потому, что друзья мои, и я за вас поручиться могу. Понятно? – обратился он к нам.

– Конечно, – отозвался я.

– Ну, что готовы?

И он вопросительно на нас взглянул. Мы кивнули и, не услышав с нашей стороны никаких возражений, он продолжил:

– Тогда в путь.

Мы поднялись и вышли из дома. Пробравшись под деревьями, выбрались на ровную местность, впрочем, по хорошо просматриваемой территории брели мы не долго, чтобы не быть замеченными и через некоторое время свернули в лес. Долго шли мы по болотам, цеплялись о колючий кустарник, пробирались в камышах и наконец, добрались до лагеря. Остановившись на его описании я не буду, чтобы не отнимать время читателя и посвятить его более важным событиям. Напомню лишь, что он представлял собой ровную местность, закрытую со всех сторон высокими деревьями. Ерема шел впереди, а я и Сенька немного поодаль. Солдаты, увидев Ерему, радостно закричали:

– Ерема! Опять объявился!

А кто-то кричал:

– Как жизнь? Не одичал там без нас?

И, заметив нас, продолжил:

– А это кто с тобой?

– Потом узнаете, – ответил он.

Некоторые солдаты занимались делом, не замечая ничего вокруг, а некоторые внимательно рассматривали вновь прибывших. Немного поодаль, сидя на бревне заваленного дерева, сидела высокая девушка с короткой стрижкой. Волосы ее были острижены по подбородок. Она была полностью поглощена своим делом (в данный момент она чистила пистолет) и, казалось, не замечала нас.

– Мне нужно видеть командира, – обратился к одному из солдат Ерема.

– Пошли, – ответил он и повел в палатку.

Мы с Сенькой остались стоять на улице. Этим солдатом оказался ни кто иной, как Сева. Войдя внутрь, он увидел Петра Харитоновича, он курил папиросу и о чем-то размышлял.

- Товарищ командир, вот, к Вам пришли, – обратился Сева.
- Кто пришел? – спокойно спросил командир.
- Представился Еремой.
- А, Ерема, зови.
- Слушаюсь, товарищ командир.
- Сева исчез и в палатку вошел Ерема.
- Товарищ командир, разрешите доложить о выполнении задания, – начал он.
- Докладывайте.
- Задание выполнено. Необходимое количество человек завербовано и готово вступить в наши ряды.
- Отлично, Ерема. Тебе какое задание не дай, всегда справишься.
- Смотрите не сглазьте, товарищ командир, – с улыбкой произнес Ерема.
- Не сглажу, – смеясь, говорил Половцев и, постучав по дереву, продолжал:
- Ты один из моих лучших солдат, что правда, то правда.
- Спасибо, товарищ командир.
- Одно меня, Еремушка, беспокоит: почему Андрей не возвращается, говорил, через два дня будет, а сейчас третьи сутки пошли.
- Значит, сейчас не может. Вы же знаете, в нашем деле не всегда все гладко бывает.
- Знаю, Ерема, знаю. Ну, ладно, веди их сюда, – сказал Петр Харитонович.
- Слушаюсь, товарищ командир.
- Через несколько секунд я и Сенька находились в палатке. Командир долго смотрел на нас, а потом произнес:
- Значит, хотите партизанами стать? – медленно спрашивал командир.
- Да, – ответил Сенька.
- Не «да», а «так точно» надо говорить, – тихо поправил я.
- Это очень серьезный шаг. Вы понимаете, что теперь у вас нет ни дома, ни спокойной жизни, если конечно до вашей деревни еще немцы не дошли, ничего нет. Вы хорошо подумали?
- Так точно! – ответил я.
- Вот и отлично, но помните: назад дороги нет!
- На мгновение он замолчал и через некоторое время добавил:
- Теперь назовите ваши имена.
- Меня зовут Григорий Крапивин, а это Семен Кулаков.
- Ну, а меня вам, наверное, уже представили, но если нет, то я Половцев Петр Харитонович – командир отряда.
- Только у нас правило есть, – через некоторое время произнес командир.
- Какое? – спросил я.
- Чтобы стать партизаном нужно пройти посвящение. Вы не пугайтесь. Ничего страшного не будет, нужно в присутствии отряда произнести торжественную клятву советских партизан. Вы готовы? – произнес Половцев, взглянув на наши испуганные лица.
- Да, – ответили мы.
- Тогда сегодня вечером наш отряд пополнится еще двумя добровольцами. Что ж, до вечера, а сейчас можете осмотреться и познакомиться с лагерем.
- Мы вышли из палатки. Я и Сенька долго представлялись. Солдаты встретили нас по-дружески и очень скоро мы стали их товарищами. Они также называли нам свои имена и показывали работу, которой они занимаются. Мы долго бродили по отряду, пока не заметили, как к нам на встречу идет девушка с короткой стрижкой, которую мы мельком заметили утром. Она была одета в военную форму, точно подогнанную под нее, на ногах были солдатские сапоги. Форма состояла из рубахи, подвязанной широким ремнем и брюк галифе. Казалось, мы знали ее, но не могли понять откуда. Какое странное ощущение? Когда она подошла ближе, я и

Сенька не могли поверить своим глазам, перед нами стояла Сашка, с которой мы играли в детстве, но странное дело, как она изменилась. Это была она, и в то же время нет. Вот, что с людьми делает война. Мы знали ее веселой, жизнерадостной девчонкой, которая всем интересовалась и смеялась по поводу и без, и одновременно с этим могла расплакаться из-за какой-нибудь ерунды. Так, все ее чувства были напоказ, а сейчас перед нами стояла равнодушная ко всему и холодная особа с непроницаемым лицом и слегка прищуренными хитрыми глазами, усмешкой на губах и потухшим взглядом. Она стала не юношей, не девушкой, нечто средним. Женским в ней было лишь обличье, все остальное: душа, разум, мысли были мужскими. Она была солдатом, и я даже сказал бы, холодным и расчетливым убийцей, вот кого мы увидели перед собой. Больше всего нас поразили ее глаза, в них горел бесовский сумасшедший огонек. Мы долго смотрели на нее, не в силах произнести ни единого слова и пораженные, как молнией стояли, уставив на нее свои изумленные взгляды. Заметив наше смятение, на губах ее заиграла все та же усмешка. Первым из оцепенения вышел я и неуверенным голосом произнес:

– Здравствуй, Сашка.

– Здравствуй.

– Как жизнь? – спросил Сенька так же неуверенно.

– Нормально, Сеня.

Наступило молчание. В ее компании мы чувствовали себя не уютно. Мы смотрели кто куда: я в землю, Сенька в сторону, но оба ощущали на себе ее острые глаза, которые, казалось, бурили в нас скважины. Она очень сильно изменилась. Теперь она была для нас чужой, незнакомой и нам нужно было время, много времени, чтобы привыкнуть к ней.

Я решил прервать молчание и спросил:

– Давно ты здесь?

– Где-то месяца два. Как мамку немцы расстреляли я сюда пришла. Отца-то у меня еще год назад на фронте убили, а я одна осталась, – произнося эти слова, она пыталась сделать голос равнодушным, но это ей мало удавалось, в ее голосе проскакивали нотки с надрывом, а говорила она, глотая слезы, но старалась изо всех сил не показывать нам этого.

Снова наступила тишина. Сенька не смел ничего спрашивать, а я продолжал, немного осмелев:

– Изменилась ты Сашка, сильно изменилась, – произнес я, тяжело вздохнув.

– Война всех меняет, – сказала она с ненавистью в глазах.

– Да что о ней говорить, – добавила она после некоторой остановки.

– Да не скажи! Вот я с Сенькой не изменился, только ты. Это от человека зависит, вернее от его характера, – смело возразил я.

– Возможно, – сухо ответила она.

Мы снова замолчали. Затем, видимо поняв, что она может нас обидеть произнесла:

– Извините меня ребята, не обижайтесь. Ладно? Просто время сейчас такое злое, вот и я такая. Я, наверное, очень плохая, ну, какая есть. Главное помните, что вы для меня, как братья, мои лучшие друзья. Прощаете?

– Да ладно, Сашка, вот сейчас я тебя узнаю, ничем ты нас не обидела.

Наконец, мы снова все вместе, как в старые добрые времена, – произнес весело и добродушно Сенька после долгого молчания.

– Только вот Мартына не хватает, – грустью добавила она.

– Да, нас ведь всегда четверо было: я, ты (сказал я, указав на Сеньку), Сашка и Мартын. Какие мы были друзья! Не разлей вода, – вздохнув, ответил я.

– Почему были? – произнес Сенька, и на лицах сидящих заиграла добрая и искренняя улыбка, «а Сашка сейчас, наверное, впервые улыбнулась после долгих лет» – подумал я, но не стал произносить это вслух, чтобы не омрачить наше веселье.

– Саш, а ты не знаешь что с Мартыном? – спросил я.

– Да мне толком ничего не известно. Знаю только, что дослужился он до старшего лейтенанта, попал в плен к немцам и больше о нем ни слуху, ни духу. Убили теперь, наверное, – серьезно ответила она.

– Бедный Мартын, – с горечью произнес я.

И мы, молча, сели у вечернего костра, опустили глаза на землю, и где-то с минуту просидели в молчании. Меж тем наступил вечер и весь отряд собрался у костра, чтобы присутствовать при посвящении. Все пришедшие выстроились в шеренгу, в том числе и мы и Сашкой. Рядом горел костер, из палатки вышел командир, стал напротив отряда и торжественно спросил у нас, готовы ли мы стать партизанами.

– Так точно! – хором ответили мы, сделав шаг вперед из строя.

– Тогда повторяйте за мной по очереди: я, патриот Советского Союза, вступая в ряды партизан, становлюсь бойцом антигитлеровского фронта. Это имя я буду носить с честью, так, как подобает подлинному гражданину СССР.

Ненавистные немецкие захватчики совершили зверское преступление в отношении моего народа; я клянусь сражаться против врага до полного его разгрома, до окончательной победы моей Советской Родины, над гитлеровской Германией.

Вступая в ряды партизан, я обязуюсь остаться верным, достойным, исполнительным и мужественным и беспрекословно выполнять все задачи, которые будут на меня возложены моими руководителями. Я готов отдать свою жизнь за наше справедливое дело и за моих братьев по оружию.

Я вполне отдаю себе отчет во всех лишениях, которые меня ожидают, и я знаю, что борьба в тылу у врага очень тяжелая. Но эти трудности меня не страшат. Я мужественно их преодолю.

Никакие трудности, ни угроза смерти не остановят меня на пути борьбы против наиболее опасного врага человечества – жестокого фашизма.

Быть может, я погибну, но я хочу, чтобы знали, что я остался верным сыном моего народа и что я умер за справедливое дело моей славной Родины (Документы: клятва Советских партизан, сражавшихся в годы второй Мировой войны «Новейшая история» Просвещение 1989 год).

Эту клятву мы по очереди произнесли и теперь стали партизанами.

– Товарищи бойцы! Сегодня мы приняли в свои ряды двух добровольцев, – произнес командир, обращаясь к солдатам.

– Надеемся, что вы проявите себя, как отважные и мужественные защитники своей родины! Теперь вы наши братья по оружию и по духу! – добавил командир, обращаясь к нам.

Затем все разошлись и принялись выполнять порученную работу. После этого мы подошли к Сашке и начали спрашивать:

– А ты тоже клятву давала? – интересовался я.

– Конечно. Здесь все вновь прибывшие дают клятву.

– Знаете, ребята, я всю жизнь мечтал, чтобы мы все снова собрались вместе, как раньше, но это мне никогда не удавалось и вот, наконец, сейчас, когда прошло много лет, я вас нашел. Сначала я встретил Сеньку, теперь тебя, может быть, если судьбе будет угодно, я встречу и Мартына, если он еще жив. А сейчас мы вместе и я рад, что нашел вас, мои товарищи! – обратился я к Сеньке и Сашке.

Чувства переполняли меня, и я говорил с таким счастьем, что на лицах собравшихся невольно появилась милая и добрая улыбка. Я продолжал:

– Сейчас мы вместе и я знаю, что теперь у нас все будет хорошо.

Я протянул руку перед собой и на нее положил руку Сенька, а сверху Сашка. Впоследствии этот момент сыграет роковую роль в моей жизни.

Шли недели, и Сашка на наше удивление совсем не сторонилась нас, она проявила себя за это время, как хороший солдат, верный и преданный товарищ, готовый отдать без сожаления

жизнь за своих друзей. Сейчас в этом лесу мы были дружной и сплоченной командой, как когда-то в детстве.

Солнечным днем я и Сашка разговаривали в лесу. Сенька в это время остался в лагере, ему было очень интересно находиться там. Вдруг мы услышали его звонкий голос.

– Ребята, идите сюда!

Мы подошли ближе и увидели командира, который находился рядом с Сенькой, а поодаль от них стояли три прекрасных коня, а рядом находилось несколько солдат. Мы заметили, как светился радостью Семен, он держал коня и был переполнен счастьем, Половцев также улыбался.

– Ребята, посмотрите, какого мне коня подарили! – радостно закричал Сеня, обращаясь к нам.

Перед нами стоял красивый конь с хорошей гривой и сильными ногами, что свидетельствовало о его выносливости.

Конь отличный, – произнес я со знанием дела, так как еще совсем недавно сам заботился об этом верном и прекрасном животном.

– А это вам, – сказал Петр Харитонович, обращаясь к нам.

– Это тебе Григорий, а это тебе Александра.

Мы поблагодарили командира и стали возле своих лошадей. Я похлопал коня по спине, а Сашка прислонилась к его голове. Теперь не было различий между нами и отрядом. Пистолеты нам также были выданы, их нам торжественно вручил Половцев, несмотря на то, что обращаться с оружием мы пока не умели, однако после нескольких уроков добились некоторых успехов. Сашке оружие не выдали, так как она получила его в день своего прибытия и за это время проявила себя, как отличный стрелок.

Однажды я и Сашка стояли в березовой роще. Какой это был замечательный день: ярко светило солнце, на голубом небе плыли пушистые облака, все поле возле рощи было усыпано одуванчиками и от этого, трава казалась желтой. Мы прошли несколько метров и остановились, Александра вертела в руке одуванчик, а я шел рядом и рассказывал ей истории, которые произошли со мной в деревне. Я шагал медленно, держа руки за спиной, а Сашка шла рядом и часто улыбалась. Когда мы остановились, она отдала мне одуванчик, а сама облокотилась о березу, обнимая ее одной рукой. В это время я рассказывал ей о своем дворе и дошел до описания деревьев, которые там росли.

– У меня там и рябина, и ива растет. Росла (поправил себя я). Знаешь, мне так рябина нравится. Помню, подойду, посмотрю на нее, на ее ярко красные ягоды и вся грусть долой.

– А я березки люблю. Вот повсюду они растут, я слышала, и не только у нас в стране, а ведь такие только у нас, только на Родине они такие трогательные, прекрасные, как бы хотят сказать что-то. Не знаю, мне кажется в них столько грусти, столько печали и когда у березки течет сок, кажется, что она плачет по нашим бойцам, которые не пришли с фронта. Понимаешь, они другие, я не знаю даже, как это объяснить, но мне кажется, что у нас они даже шелестят по-другому, – произнесла Сашка.

Мы ненадолго замолчали и через некоторое время вернулись в лагерь. Там нас ждал Сенька.

– Где вы все ходите? Я уже всю работу переделал. Ладно, хорошо хоть вообще вернулись, – недовольным голосом говорил он.

Мы с Сашкой улыбались, глядя, как недоумевает Сенька. Тут подошел Сева и сообщил, что нас зовет командир. Мы направились к землянке, где нас ждал Петр Харитонович, а на столе лежал какой-то план местности.

– Раз уж вы теперь с нами, я хочу посвятить вас в нашу деятельность. Подходите ближе, видите? – обратился к нам Половцев, приблизившись к карте.

Мы подошли и склонились над картой.

– Здесь и здесь расположены ящики с провизией, но эти запасы сейчас на исходе и нужно искать пути пополнения припасов и провизии. Какие будут предложения?

– Я думаю, отбить обоз у немцев, когда они будут доставлять его к себе, – начал Сенька.

– Мысль хорошая, но не для нашего случая. Этот ход может привести к серьезным последствиям, вдруг нас раскроют.

– Тогда нужно связаться со штабом и через своих людей установить места новых тайников, – высказал свою мысль я.

– Идея отличная, Григорий, только где взять этих «своих людей»? Я ведь со штабом не так уж хорошо знаюсь.

– А найти их можно через списки руководителей диверсантов, возможно среди них найдется человек, с которым вы учились или работали, только их придется соответственно достать, – закончила мою мысль Сашка.

– Значит, будем доставать. Но давайте-ка, мы с вами сначала испробуем метод попроще, – уверенно сказал командир.

Мы не совсем тогда поняли, что он имел в виду.

На следующий день все было, как обычно. После выполненной работы я, Сенька и Сашка сидели у костра. Мы говорили на разные темы и вскоре завели разговор о родителях.

– А помнишь, Сень, когда мы еще у тебя на крыльце сидели, нас тетя Наташа в дом звала, она еще тогда сказала, что замерзнем. Помнишь? – спрашивал я.

– Помню, как же не помнить, – грустно ответил Семен.

Сашка ничего не сказала, она всегда, после того, как родителей ее убили, была очень молчалива и замкнута.

– А мамка твоя жива? Где она сейчас? – продолжал я.

– Она еще зимой в сороковом году на работу в город уехала, тогда ведь мы еще не знали, что война будет...

– И что вы с тех пор так и не виделись?

– Нет, – печально ответил он.

Наступило короткое молчание. Неожиданно к нам подошел Сева и сообщил следующее:

– Товарищи, командир ждет вас, чтобы посвятить в свой план действий. Там будет присутствовать весь командный состав, а также еще несколько человек из отряда (мы были в их числе).

Мы собрались в землянке, которая была достаточно хорошо замаскирована, для того, чтобы не быть замеченной с воздуха. Если посмотреть сверху, то можно подумать, что помещение и вовсе отсутствует, кажется, что ровная поверхность слегка прикрыта ветками, которые, надо признаться, были также разбросаны повсюду. На самом же деле под землей находилось хорошо скрытое пространство, сбоку которого находился вход, он также был скрыт от глаз. Когда мы очутились внутри, заметили, что землянка командира была более оснащена, чем остальные. Она была обита бревенчатыми досками и была более укреплена, внутри также как и в остальных, находился стол, два стула и место для сна. Командир находился у стола, а мы и еще несколько человек из отряда стояли у дверей внутри. Петр Харитонович, повернувшись к нам, произнес:

– Товарищи! Нам с вами предстоит одна операция. Много людей для нее не понадобится, но это не делает ее легкой. Выполнить мы ее должны на совесть и если хоть что-то пойдет не так, всю операцию можно считать проваленной, что крайне не желательно. Вы, Григорий и Александра, так как у нас в отряде не долго, участвовать в деле не будете, но пойдете с нами, чтобы так сказать получить некоторый навык. Кроме Семена, который будет играть в нашем предприятии ключевую роль, – торжественно и серьезно начал Половцев, обращаясь к нам.

Сеня не ожидал такого поворота событий и раскрыл глаза от удивления так, что они вылезли из орбит.

– Я не могу, – неуверенно проговорил он, но командир ничего не хотел слушать.

– Можете, Кулаков, можете. Вы сами избрали этот путь и теперь вашей жизнью распоряжаетесь не вы, а отряд и сейчас он избрал вас, поэтому впредь запомните, что приказы не обсуждаются, а выполняются. Это понятно? – командным голосом произнес Половцев.

– Понятно, товарищ командир, – вяло ответил Сенька.

– Все свободны, а вас, товарищ Кулаков, я попрошу остаться, чтобы посвятить вас в предстоящую операцию.

Все удалились и в землянке остались только Семен и Петр Харитонович.

– Ваша задача состоит в следующем: вы должны под видом местного жителя прийти в деревню в указанный дом (его местонахождение мы вам сообщим позднее), затем связаться с хозяином дома, который обо всем предупрежден. Вам останется только получить продовольствие и вынести во двор, где его заберут наши ребята. Вот собственно и все. Задача, как видите, не сложная. Вам делать почти ничего не нужно, так что вы зря боялись, – произнес командир, обращаясь к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.